

— Анна! Корову подоила? — громко крикнул и затем стукнул в окно красномордый коренастый мужик в синем френче, галифе и хромовых сапогах.

В левой руке у него была зажата плеть, с которой он, похоже, не расставался, судя по отшлифованной до лакового блеска рукояти. На глаза глубоко надвинута фуражка с засаленным с правой стороны козырьком.

Рядом топтался ещё один мужик, но в пиджаке и брюках навывпуск поверх таких же хромовых сапог. Этот был тощим, из-за чего пиджак висел на нём как на вешалке. В руках теребил свёрнутую в кольца пеньковую верёвку. В зубах у него был зажат бульдожьим хватом бумажный мундштук почти докуренной папироски.

— Анна! — снова позвал первый, крутя круглой головой, постоянно оглядываясь, будто кого-то ожидая, и, ослабившись, показал ряд железных зубов, похлопывая по ляжке рукой с плетью.

— Нет её! В огороде она,— выглянул в окно белоголовый мальчишка лет пяти-шести.

— Так позови! — крикнул второй, с верёвкой, сдвинул фуражку до бровей, выплюнул окурок под ноги и растёр его подошвой сапога.

¹ Ящур — острое вирусное заболевание группы зоонозов. Проявляется пузырьково-язвенным поражением слизистых рта, носа, кожи конечностей, вымени. Летальность до 50 %. Поражает человека тоже.

Мальчишка исчез из проёма окна, выскочил во двор и побежал в огород, попутно распугав куриц, которые с ку-дахтаньем метнулись в стороны.

— Мам, там этот пришёл, с железными зубами,— чуть запыхавшись, выпалил мальчишка,— тебя зовёт.

Анна распрямилась. Прищурившись, повернулась в сторону двора, как будто хотела кого-то увидеть.

«Кого там чёрт принёс? Не дай Бог, этого»,— подумала Анна. Взяла ведро с только что выдернутым из земли луком и не спеша пошла во двор.

— Кто там? — громко спросила Анна, подойдя к воротам, закрытым на шкворень, уходящим в лиственничный столб ворóтины.

Открыла ворота, встала в проёме.

— Ты чё долго так? — недовольным тоном спросил мужик с плетью, глядя на Анну из-под козырька фуражки.

— В огороде была! — громко ответила Анна.

Затем поставила ведро с луком около босой ноги, посмотрела на него. «Зачем принесла?» Снова подхватила ведро.

— Ладно,— хмуро сказал мужик во френче и хлопнул плёткой по голенищу сапога, будто подбадривая себя.— Анна, так ты корову-то подоила? — повторил свой вопрос мужик и снова осклабился, показывая свои серо-стальные зубы, изображая улыбку.

Второй, нервно переступая с ноги на ногу, прикурил папироску, помахал рукой со спичкой, туша её, и бросил на землю, отвернулся, глядя в сторону от Анны и сотоварища с плетью.

— Ну, подоила. А чё? — насторожённо ответила Анна, переводя взгляд с одного на другого.

— Яшшур у твоей коровы, Анна,— резко выговорил железнозубый без всякого вступления и сплюнул на землю.

— Ты чёй-то, Степаныч? Корова здорова, вон, хорошо ест. Какой ещё яшшур? — возмущённо ответила Анна.

— Ничё не знаю! Сказал, яшшур, значить, яшшур! Гони её сюда, а то сами зайдём,— уже зло сказал Степаныч, краснея лицом так, что нос стал сизым.

Второй подошёл к Степанычу, встал рядом, набычился.

Анна обречённо махнула рукой:

— Идите, забирайте,— и отошла в сторону, освобождая проём ворот.

Анна всегда знала: с сильным не борись, с богатым не судись, тем более с властью лучше не связываться. Да и кому пожалуешься? Все они заодно. Быстро могут отправить лес валить. Они же сама власть. Страшно.

— Ты это, Ньюра, до завтрава корова в загоне постоит. Ты знаешь где,— ведя корову уже с верёвкой на рогах, более миролюбиво проговорил второй, держа в зубах почти докуренную очередную папироску.

Корова, не сопротивляясь, шла, окружённая двумя мужиками, с верёвкой на рогах и подгоняемая сзади плетью. Конвой. Не сбежишь.

Анна даже не закрыла ворота. Прошла через двор, села на нижнюю ступеньку крыльца. Тихо матюгнулась, припомнив каждому их непутёвую мать, три колена предков, и пожелала увидеть этих иродов в гробу без крышки и дна. От этого монолога, как от молитвы, ей стало как-то легче.

— Колька! Подь сюда! Пригони гусей! — приказала Анна как из-под земли быстро подскочившему Кольке.

«Эх. Если бы он вернулся, ни одна бы сука не посмела даже подойти ко двору вольно», — горестно подумала Анна и пошла в дом — затоплять русскую печь.

Анна вдовела уже четвёртый год, как получила похоронку. До войны жили — не тужили, даже когда в колхоз пришлось вступить. Потом вдруг война и похоронка в срок втором. А эти двое так и отсиделись за бронью да за справками по хилому здоровью, то уполномоченными по заготовкам, то в сельпо, и болели только от самогонки с похмелья.

Вот и гуси загоготали во дворе. Анна вышла во двор, ловко поймала сеголетка-гусака. Молча завернула крылья за спину, положила его голову на чурку; гусь только сильнее вытянул шею, гукнул и прикрыл плёнкой глаза. Правой рукой крепко зажала топорище и, коротко размахнувшись, тынула лезвием острого топора по шее, поближе к голове. Положила затрепетавшую тушку гуся, дёргающую лапами, на спину около чурки, оставив её истекать кровью.

Потом Анна пошла в баньку, низко просевшую в землю, из-за чего пришлось сильно наклониться, отдавая земной поклон баннику, живущему, говорят, обычно где-то под полком. Внутри баньки были густые сумерки, которые создавало мутное, полупрозрачное треснувшее стекло окошечка под потолком. Почти на ощупь разожгла небольшой огонь под чугунным котлом, накрытым деревянной крышкой. В котле находилась немного не добродившая брага, исходящая квасными пузырьками. От котельной крышки отходил медный змеевик, погружённый в корыто с водой. Анна взяла с полка двухчетвертную² бутылку и пристроила к концу змеевика.

Следуя своим мыслям, Анна вышла из баньки, снова отдав поклон уже белому свету. Быстро ощипала ещё тёплого гуся. Потом опалила тушку в печи, пока ещё не прогорели дрова, держа её на вилах, ощущая жар на руках и лице.

Пока прогорали дрова в печи, Анна выпотрошила гуся. Шею, лапы, потроха и кончики крыльев отложила отдельно. Гусиную тушку, пахнущую вытопленным жиром и обгоревшими пестами, обмыла, натёрла солью снаружи и изнутри, туда же положила пучок укропа и уже начавшей жухнуть, но издававшей ещё ядрёный запах зелени чеснока.

Анна быстро, почти бегом, сходила в баньку, поправила огонь под котлом, чтобы не слишком горел. От кончика змеевика тонкой строчкой непрерывных капель в бутылку уже стекал тёплый самогон. Подлила холодной воды в корыто.

Вернувшись к печи, подождала, пока дрова превратятся в угли, изойдя синим огнём, выгребла их кочергой, вымела остатки берёзовым голиком. Положила гуся на под, предварительно привязав бечёвкой крылья к тушке, и деревянной лопатой поставила его в печь, прикрыла хайло гнёткой.

Анна присела на лавку, устало положила руки на колени, задумалась, потом вздохнула и махнула рукой своим мыслям.

Пришли старшие дети, завершив учебный и рабочий день. Нужно их накормить. Пришлось отвечать на вопросы.

— А где наша Зорька?

² 1 четверть = 3,0748 литра.

— Заболела. Яшшур у неё нашли.

— А в печи что?

— Лекарство от яшшура.

Больше вопросов не было. Мамка явно была не в настроении. Дети знали: по тому, как она отвечала, лучше не продолжать спрашивать — не дай Бог сейчас ей под горячую руку попасться.

Анна ещё раз сходила в баньку. Поставила ковш под ещё падавшие капли, пахнувшие сивухой. Вынесла большую бутыль с самогоном, перелила часть в меньшую, четвертную бутыль, заткнула её деревянной затычкой.

«Ну вот и готово,— подумала Анна.— Пора бы и отдохнуть».

Ночью Анна ворочалась, вздыхала, вспоминала прошлую, довоенную спокойную жизнь. Дети рождались легко. С тридцать третьего по тридцать девятый появились на свет две дочери и два сына. Работал только он. Трудяга и рукодел был отменный: сапоги мог стачать, бондарничал, вон бочата крепкие целы до сих пор,— всё спорилось. До колхоза вообще горя не знали. Земля была. Лошади были. Коровы были. Маслобоенку каменную начали строить. Людей нанимали по сезону. Всего хватало. Потом в колхоз пришлось вступить. Всё равно можно было жить.

И вдруг война.

Почти всех мужиков с четвёртого года по двадцать четвёртый военкомат вычистил. Потом больше половины баб получили кто похоронку, кто справку: «Признан пропавшим без вести». Если похоронка, то хоть какие-то копейки можно получать, а если пропал без вести — то ничего, зато осталась надежда: а вдруг объявится? До сих пор ждут.

К концу сорок пятого вернулось меньше половины, да и половина из них покалеченные.

Все вернувшиеся фронтовики праздновали возвращение. Ходили от двора ко двору. Встречались с теми, кто вернулся, поминали тех, кто погиб. Сомневались, что вернуться пропавшие. Они-то точно знали: просто писарь не внёс в список погибших. Вот и к ней зашли, выпили-закусили и ушли, оставив плакать.

Эх, война, война.

Четверо на руках осталось. Хоть горюй, хоть не горюй — детей поднимать надо. Пока шла война, постепенно были выменяны и проданы бричка, телега и кое-какой инвентарь, что в колхоз не отдали. Но корову сохранили — кормилица. Гусей завела, на них налога не было назначено, не то что на куриц, неснесённые яйца — и те были учтены.

Так, под воспоминания и с мыслью: «Ничё, переживём», — Анна уснула.

Утром Анна завернула в холстинку печёного гуся, положила его в мешок, туда же сунула четвертную бутылку самогона. Крепко зажала в руке собранный мешок и быстро пошла в сельпо.

Детям тоже досталась хорошо упревшая похлёбка из гусиных потрохов, шеи, лап и кончиков крыльев, сваренная в чугушке в той же печи. Гуся-то ели бы неделю, если с приварком — то и дольше. Но ничего не попишешь — корова-то дороже гуся.

Сельпо и заготконтора находились в центре села под одной крышей. Рядом находился загон для скота, унавоженный так, что после дождя коровы и телята стояли в нём чуть ли не по брюхо.

Анна ещё на подходе к сельпо увидела свою Зорьку и полудохлого телёнка с грязным задом и хвостом от поноса. Она непроизвольно ускорила шаг. Быстро поднялась по скрипучему крыльцу. За дверью открылся тёмный коридорчик. Лампочка, свисающая с потолка на закрученной спиралию проводе, была отключена. Справа из открытой двери слышны глухие басовитые мужские голоса, один с хрипотцой. Несло густым запахом табака.

Анна осторожно заглянула в комнату конторы. Те же двое сидели за голым столом, курили. Дым стоял коромыслом, так густо — хоть топор вешай. Постучала по косяку. Оба сразу замолчали и повернулись к проёму дверей.

— А, это ты, Анна, — проговорил железнозубый. — Ну заходи.

Анна переступила порог, держа мешок в правой руке.

— Вот, Степаныч, — и мотнула рукой с мешком в его сторону. — Я корову заберу? — вопросительно добавила Анна.

— Ну, посмотрим сначала,— и, не вставая со стула, протянул руку в сторону Анны.

Анна быстро подошла и подала мешок.

Степаныч взял мешок, открыл его и сунулся в него лицом. Громко втянул носом запах, крикнул, запустил следом руку и достал четвертную бутыль.

— Ну, иди, Нюра, иди. Забирай. Здорова твоя корова теперь,— не глядя махнул рукой Степаныч.— Дверь прикрой,— и тут же добавил: — Мешок заberi, за четвертью потом мальчика отправишь.

Анна подхватила пустой мешок, прикрыла дверь и почти выскочила из конторы, переступая через ступеньку. Коротко подумала: «И не подавятся же».

Зашла в загон и негромко позвала корову:

— Зоря, Зоря!

Корова повернула к ней голову, мукнула и пошла к хозяйке, как будто понимая, что её выручили из плена.

Анна увидела набухшее вымя, на кончиках сосков повисли капли молока. Потрогала — тугое, горячее. Ещё немного — и перегорит.

— Пойдём, милая, домой. Подою тебя,— и погладила корову по шее.

Они шли домой рядом. Корова и Анна. Правую руку Анна положила своей Зорьке на холку, ощущая, как под тёплой шерстистой кожей шевелятся её лопатки.

На душе у Анны стало тихо, спокойно — теперь она была уверена, что будет молоко и тягло будет: Зорька хорошо ходила в ярме и легко тянула небольшую тележку — хоть сено привезти, хоть дрова из ближайшего безрезняка.

На дворе стоял тёплый сентябрьский день 1946 года.